

УДК 821.511.131

DOI 10.30914/2072-6783-2025-19-2-227-235

ЖАНРОВОЕ НОВАТОРСТВО УДМУРТСКОГО ПИСАТЕЛЯ Р. Г. ВАЛИШИНА В МАЛОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Т. И. Зайцева^{1,2}, О. М. Максимова¹

¹Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация

²Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье описана специфика развития новой жанровой формы рассказа в удмуртской прозе 1960–1970-х гг. на примере творчества Р. Валишина, акцент сделан на рассмотрении проблемных доминант и структурных особенностей коротких «бессюжетных» валишинских рассказов, ориентированных на изображение внутреннего эмоционально-психологического состояния героя в драматические моменты его жизни. **Цель исследования:** выявить в рассказах Р. Валишина систему художественно-образительных средств и приемов, которые способствуют раскрытию авторской идеи, формируют структуру повествования. **Материалы и методы:** материалом анализа явились наиболее значимые в плане исследуемой темы рассказы Р. Валишина, позволяющие описать основные жанровые новации его малой прозы. Рассмотрены рассказы, вошедшие в книги «Вальс» (1966), «Вьль лымы» («Свежий снег», 1971), «Тодметьёс» («Приметь», 1990); применен комплекс методов литературоведческого анализа: биографический, историко-литературный, структурно-описательный, проблемно-эстетический. **Результаты исследования.** Впервые охарактеризованы жанровые составляющие коротких валишинских рассказов, сделан вывод о том, что за видимой простотой в них скрыты глубина смысла и сложность художественного построения. Писателем разработана новая жанровая модель удмуртского рассказа и расширены его возможности. Существенным моментом в изображении внутреннего состояния персонажа явились для Р. Валишина интенсивность душевной жизни, показ человека в его частных проявлениях, обнаружение в этом социальной детерминированности нравственных качеств. **Заключение.** Жанровое новаторство рассказов Р. Валишина во многом обусловлено спецификой эпохи 1960–1970-х гг.; широкое ассоциативное поле его произведений создается приемом символизации художественной детали, развитием подтекста, перенесением сюжетного действия во внутренний план переживаний героев. Стремясь создать образы-ощущения и образы-переживания, писатель достигает глубины в раскрытии внутреннего психологического состояния человека.

Ключевые слова: удмуртская проза, Р. Г. Валишин, жанр, рассказ, образ героя, художественная деталь, подтекст

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Зайцева Т. И., Максимова О. М. Жанровое новаторство удмуртского писателя Р. Г. Валишина в малой эпической прозе // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19. № 2. С. 227–235. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-2-227-235>

GENRE INNOVATION OF THE UDMURT WRITER R. G. VALISHIN IN SHORT EPIC PROSE

T. I. Zaytseva^{1,2}, O. M. Maksimova¹

¹Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

²Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article describes the specifics of the development of a new genre form of short story in Udmurt prose of the 1960s–1970s using the example of the work of R. Valishin, the emphasis is placed on examining the problematic dominants and structural features of Valishin's short "plotless" stories, focused on depicting the internal emotional and psychological state of the hero in dramatic moments of his life. **Purpose of the study:** to identify in the stories of R. Valishin a system of artistic and visual means and techniques that contribute to the disclosure of the author's idea and form the structure of the narrative. **Materials and methods:** the material for the analysis was the most significant stories by R. Valishin in terms of the topic under study, which allow us to describe the main genre innovations of his short prose. The stories included in the books "Waltz" (1966), "Vyl Lymy" ("Fresh Snow", 1971), "Todmetyos" ("Signs", 1990) are considered; A set of methods of literary analysis was applied: biographical, historical-literary, structural-descriptive, problematic-

aesthetic. **Results.** For the first time, the genre components of Valishin's short stories are characterized, and a conclusion is made that behind their apparent simplicity, depth of meaning and complexity of artistic construction are hidden. The writer developed a new genre model of the Udmurt story and expanded its possibilities. For R. Valishin, the essential moment in depicting the internal state of a character was the intensity of spiritual life, the display of a person in his private manifestations, and the discovery in this of the social determination of moral qualities. **Conclusion.** The genre innovation of R. Valishin's stories is largely determined by the specifics of the era of the 1960s–1970s; the broad associative field of his works is created by the technique of symbolizing artistic details, developing subtext, and transferring the plot action to the internal plane of the characters' experiences. In an effort to create images-sensations and images-experiences, the writer achieves depth in revealing the internal psychological state of a person.

Keywords: Udmurt prose, R. G. Valishin, genre, story, hero image, artistic detail, subtext

The authors declare no conflict of interest.

For citation: Zaytseva T. I., Maksimova O. M. Genre innovation of the Udmurt writer R. G. Valishin in short epic prose. *Vestnik of the Mari State University*, 2025, vol. 19, no. 2, pp. 227–235. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-2-227-235>

Введение

В истории удмуртской литературы вторая половина 1950-х гг. явилась одновременно завершением отдельного этапа и началом нового периода развития, длящегося вплоть до настоящего времени. Выход национальной литературы на качественно иной художественно-эстетический уровень, связанный с перемещением писательского внимания к частному миру современника, во многом определен творчеством прозаиков Геннадия Дмитриевича Красильникова (1928–1975) и Романа Гаяльсаровича Валишина (1937–1979). Если произведения Г. Красильникова изучены достаточно полно, то творческое наследие Р. Валишина до сих пор остается в литературоведении малоисследованным. За короткую писательскую жизнь им изданы на удмуртском языке сборники рассказов «Вальс» и «Выль лымы» («Свежий снег»), повести «Инвожо уйшоре но пиштэ» («Инвожо и в полночь светит», 1974) и «Тёл гурезь» («Гора ветров», 1978). Почти все его произведения переведены на русский язык и стали популярными у советского читателя.

Центральным произведением в творчестве писателя стала повесть на историческую тему «Гора ветров», идейно-тематическое своеобразие которой сразу же привлекло внимание критиков и литературоведов¹ [1; 2]; была обсуждена на выездном заседании совета по прозе правления

Союза писателей РСФСР, проходившем в г. Ижевске в 1979 г. [3]. Таким образом, самыми малоизученными являются рассказы Р. Валишина, хотя именно в малой прозе заложены многие проблемы, образы и приемы, получившие дальнейшее развитие в повестях писателя. Существует лишь несколько работ, в которых бегло упомянуты отдельные проблемы валишинских рассказов [4; 5; 6; 7]; гендерный аспект творчества прозаика обозначен Л. П. Федоровой². В контексте статьи важным для авторов явился вопрос о подходах к пониманию жанра рассказа в отечественном литературоведении. Обзор различных определений этого жанра представлен в работе Т. В. Затеевой и Т. М. Горн [8]. Методология исследования жанра рассказа раскрыта в учебном пособии И. А. Костылевой³.

Актуальность исследования обусловлена тем, что жанровая специфика малой прозы Р. Валишина и формирование в его творчестве нового типа рассказа еще не были объектом литературоведческого анализа. Изучение валишинских жанровых новаций в малой эпической прозе перспективно, поскольку позволяет глубже постичь творческую индивидуальность писателя, расширить

² Федорова Л. П. Женские образы в мужском дискурсе (на примере рассказов Г. Красильникова и Р. Валишина) // Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX века : учеб. пособие / С. Т. Арекеева, Т. И. Зайцева, В. Г. Пантелева и др. ; под ред. Т. И. Зайцевой и С. Т. Арекеевой. Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. С. 117–128.

³ Костылева И. А. Жанр рассказа в русской литературе XX – начала XXI века : учеб. пособие. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2021. 163 с.

¹ Ванюшев В. М., Зуева А. С., Яшин Д. А. Удмуртская литература на современном этапе // История удмуртской советской литературы : в. 2 т. / Кол авторов ; ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, НИ при СМ УАССР. Ижевск : Удмуртия, 1988. Т. 2. С. 46–50.

представления о путях эволюции прозаических форм в удмуртской литературе.

Цель исследования – описать поэтологические особенности коротких «бессюжетных» рассказов (рассказов-«переживаний», рассказов-«настроений») Р. Валишина, получивших развитие в творчестве писателя в 1960–1970-е гг. и явившихся отражением обновления проблематики и жанровой системы национальной литературы.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на материале малой прозы удмуртского писателя-«шестидесятника» Р. Валишина; использованы такие методы литературоведческого анализа, как историко-литературный, биографический, проблемно-эстетический, структурно-описательный.

Результаты исследования

Р. Валишин активно включился в литературную жизнь республики с начала 1960-х гг. Будучи заместителем редактора Граховской районной газеты, он много печатался в республиканских газетах «Удмуртиысь комсомолец» («Комсомолец Удмуртии») и «Советской Удмуртия» («Советская Удмуртия»), журнале «Молот». Начиная автор добивается немалых успехов в жанрах малой прозы. По результатам литературного конкурса, объявленного в 1959 г. молодежной газетой «Удмуртиысь комсомолец», за рассказ «Зор бере» («После дождя») Р. Валишин получил вторую премию, а в 1963 г. в конкурсе журнала «Молот» его рассказ «Весь» («Бусы») был удостоен первой премии. Впоследствии ранняя проза писателя опубликована в сборниках рассказов «Вальс» и «Виль лымы». Большая часть его первых произведений вошла также в книгу «Годметъёс», изданную после смерти писателя. В отзывах на дебюты валишинских рассказов отмечается, что его ранним произведениям присущи были ярко выраженные романтические герои – смелые, честные, добрые люди, умеющие ценить дружбу, храбро защищать слабых. <...>. Немало было в этих рассказах сентиментальности, порой переходящей в трогательную наивность» [3, с. 82].

Первые короткие рассказы Р. Валишина не сразу обнаруживали свою эстетическую и жан-

ровую уникальность. Между тем в них был использован новый тип построения произведения, когда внутреннее действие (настроение, мысли, чувства героя) заменяет действие внешнее. Это существенное своеобразие валишинской прозы и было названо критиками «сентиментальностью». Уже в ранних произведениях выработаны основные особенности поэтики рассказов писателя: выдвижение на первый план сюжетообразующего героя, строгий отбор деталей, краткость, заострение характерных признаков описываемых явлений, ориентированных на изображение повседневных бытовых ситуаций.

В творчестве Р. Валишина есть два типа рассказов. Это рассказы-«события», в основе которых, как правило, традиционная событийность, и рассказы-«переживания», где сюжет уступает место настроению. Для рассказов-«переживаний» характерны многослойность и монтажность повествования; они лично окрашены, основу сюжета составляют чувства и мысли рассказчика. Общепринятого жанрового обозначения для подобного типа рассказов в литературоведении не существует, что связано как с путаницей терминологии в области малой прозы, так и с жанровой неоднородностью самих текстов. В синонимическом значении используются понятия «короткий лирико-психологический рассказ», «рассказ-настроение», «рассказ-переживание», «миниатюра», «новелла». Употребление этих терминов применительно к конкретному художественному материалу, есть в диссертационных исследованиях¹ и в работах современных литературоведов [9; 10; 11].

Если взглянуть на эволюцию удмуртской прозы второй половины 1950 – 1970-х гг., можно заметить, что в начале «шестидесятых» в рассказах Р. Валишина ощутим переход от публицистического к художественному, автору свойственна беспристрастность повествования. Его первые рассказы – «Сйзыл куазен» («В осеннюю непогоду»), «Окыльна кенак» («Тетушка Акулина»), «Льёмпу вай» («Ветка черемухи»),

¹ Островская В. Е. Русский советский лирико-психологический рассказ 70-х годов: проблематика и поэтика (Ю. Нагибин, В. Конецкий, Г. Семенов) : дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1983. 187 с. ; Федь Т. Н. Малые жанровые формы современной русской прозы (В. Астафьев, Ф. Абрамов, В. Пикуль, Ю. Бондарев) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 185 с.; Егнинова Н. Е. Рассказы Ю. П. Казакова в контексте традиций русской орнаментальной прозы : дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006. 174 с.

«Капка зүкыртэ» («Скрипят ворота»), «Узвесь пырь» («Осколок свинца»), «Ута шур йылысь ошмесъёс» («Родники в верховьях реки Уты»), «Чыр аръян» («Кислый аръян») – заинтересовали читателя современной тематикой, вниманием к деталям, к эмоционально-психологическому состоянию героя. Особенность, характерная для названных произведений, – обостренное чувство жизни и вместе с тем отсутствие больших событий, тяготение к бытовым подробностям и одновременно эстетизация и поэтизация действительности. Здесь почти нет присущих удмуртской прозе тех лет социальных и производственных конфликтов и коллизий; Р. Валишиным актуализируется экзистенциальная по типу проблематика: герой пребывает в состоянии неудовлетворенности, внутреннего душевного разлада, стремится осмыслить собственную жизнь. Писатель «помещает» героя в такую эмоционально-психологическую ситуацию, когда обостряются вопросы смысла жизни, добра и справедливости, свободы выбора.

Своеобразие художественного мира ранней валишинской малой прозы, обращенной к нравственно-этическим проблемам, тонко отражает рассказ «Сйзыл куазен». Автором описана простая история одной семьи, поднята проблема ответственности и долга мужчины перед женой и детьми. Семон возвращается с войны в родную деревню к жене и к детям, он должен вернуть им тепло и заботу, которых они были лишены долгие годы. Непросто привыкнуть герою к забытой мирной жизни, понять сына, вновь испытать чувство любви к изможденной и постаревшей от тяжелой физической работы жене. Семон привык на войне сражаться и теперь не очень спешит взвалить на свои плечи послевоенные тяготы и лишения. Столкнувшись в своем доме с нищетой и голодом, он отступился, вскоре увлекся пышнотелой односельчанкой Анной и оставил свою семью.

В центре авторского внимания – внутреннее состояние Семона, находящегося в болезненно-мучительном круге тяжелых мыслей и чувств. Внешне действие рассказа кажется нарочито замедленным, текст «загружен» думами героя. От начала произведения к его развязке подавленное состояние героя усугубляется. Кажется жизнь в тепле и уюте с другой женщиной должна была заглушить отцовские чувства, вину перед

оставленной семьей. Однако Семона начинают мучить совесть и осознание собственной неправоты, чего он сам не ожидал. Кульминационным в «Сйзыл куазен» является эпизод свадьбы сына, на которой отцу нет места ни среди членов семьи, ни среди гостей. Финальная сцена раскрывает всю остроту и драму позднего прозрения героя, окончательного разрушения связей между отцом и сыном. Олицетворением чувств героя является ненастный осенний пейзаж, на фоне которого выстроены все события рассказа. Яркой деталью финальной части произведения становится сорвавшийся с дерева увядший осенний лист, что оттеняет и подчеркивает отчужденность и одиночество героя, его оторванность от рода: «Желтый лист, оторвавшись от дерева, упал на землю... ветер словно горстью швырнул об окно капли дождя. Они, слившись вместе, покатались по оконному стеклу как слезы по щекам Семона»^{1,2}.

Р. Валишин придавал особое значение художественной детали, что обогащало изобразительные возможности удмуртской реалистической прозы «шестидесятых». Большую смысловую нагрузку в рассказе несет деталь, связанная с национальным обрядом проводов мужчины в армию или на войну. Перед отправкой на фронт Семон забил в матицу серебряную монету с шелковой лентой-оберегом (чук), которая висела там до его возвращения с войны. Теперь взрослый не по годам сынишка Семона вытаскивает эту монету, чтобы поддержать и прокормить в тяжелое послевоенное время семью. Деталь подчеркивает все более усиливающееся отчуждение сына от отца, помогает создать соответствующее настроение рассказа. «Всю войну серебряная монета ждала хозяина, а шелковые ленты постепенно пожелтели. Внутри Семона все перевернулось. Он понял: вынимая из матицы деньги, мальчишка вместе с этим вырывает из сердца и думы об отце...»³.

Роль выразительной подробности и психологического параллелизма выполняют и настенные часы, купленные Семоном после свадьбы. Думалось ему, что если он и погибнет в бою, тиканье этих часов никогда не умолкнет в его избе.

¹ Здесь и далее удмуртский текст приводится в дословном переводе авторов статьи – Т. З., О. М.

² Валишин Р. Г. Сйзыл куазен // Валишин Р. Г. Вальс : веросьёс. Ижевск : Удмуртия, 1966. С. 8.

³ Там же. С. 6–7.

Однако нужда заставила семью солдата поменять часы на несколько фунтов муки. Пошел герой посмотреть на свои часы, выторговать обратно, да так и остался в чужом доме на краю деревни – «загорелся» к новой хозяйке. Часы остановились в момент свадьбы сына. «Стрелки часов напротив цифр, но в доме больше не раздаётся их мелодичный звук: заржавели или сломались? Часы стали издавать страшные звуки, похожие на голос петуха, когда ему сворачивают шею. Да, закончился и век часов!»¹. Остановившиеся часы символизируют безрадостный закат жизни Семона, к герою приходит прозрение, но менять что-либо уже поздно. Автор строит событийный ряд рассказа таким образом, что вскрывает большую проблему времени – разрушение войной человеческих судеб не завершается с ее окончанием.

Сквозь призму восприятия героя дается оценка событиям и в рассказе «Капка зукыртэ». Р. Валишин вновь обращается к описанию тяжелой послевоенной жизни народа, показывая ее на примере жизни другой семьи. Опять-таки особая нагрузка приходится на художественную деталь, которая отражается в названии произведения и приобретает символический смысл. Скрипучие ворота, воплощая ход и неумолимое течение времени, условно делят повествование на отдельные части: довоенную, военную и послевоенную. События и действующие лица рассказа изображены под углом зрения подростка Олечки, ее оценки происходящего непосредственны и в какой-то мере наивны, но вместе с тем пронзительны, рассудительны. Большую смысловую нагрузку несет самое начало рассказа: «Скрип!.. Скр-рип!.. Радость ли заходит, горе ли – эти ворота всегда скрипят. Выйдя через эти же ворота, ушел на войну отец Ольги. Дома остались жена да трое дочерей. Через эти же ворота холодным зимним днем вошел к ним Селифон»².

С уходом из дома отца, без вести пропавшего на фронте, в семье девочки заканчивается счастливая жизнь, где царили любовь и забота друг о друге. Примак Селифон на первый взгляд производит впечатление человека доброго, никому не желающего зла, даже жалкого. Оставшихся без

отца девочек впечатляют его мягкость, любезность, приветливость. Вскоре детская пронзительность и интуиция помогают девочкам открыть в примаке Селифоне хитроумного пройдоху, уловить истинные намерения приживалы. Овдовевшая женщина впустила в дом мужчину-портного в надежде, что он поможет ей «поднять детей». Стремясь снискать почтение в новой семье, он ведет себя с подчеркнутой услужливостью, называет девочек «дочерьми». «Любезно обращается мужик; “доченька” говорит – как не впустить?»³.

В «Капка зукыртэ» на первый план выдвинута тема тяжелого быта послевоенной деревни. Автор показывает жестокие обстоятельства эпохи через судьбы женщин-колхозниц, которые и разрушенное хозяйство восстанавливали, и подрастающее поколение воспитывали. Однако взгляд автора на реалии военных и послевоенных лет непривычен. Среди имевших бронь мужчин были те, кто сумел приспособиться к жизни в тылу. Вот и портной Селифон оказался хитрым приспособленцем, наживающимся на бедствующих крестьянах. Со всякого пошива он имел обыкновение откладывать деньги втайне от всех в небольшой чемоданчик, запертый на ключ. «Оля еще помнит, как мать в лютые зимние морозы тащила на себе в салазках и дрова, и солому – Селифон все это время дома швейную машину крутил. Захирела мать. Все перенесенные тяжести, видимо, на ее здоровье и сказались. Селифон же ничуть не изменился, таким же плотно сбитым, жилистым выглядит»⁴. Ловкий, умеющий наживаться на чужой беде, Селифон никакие заботы о хозяйстве на себя не взял, но создал в доме атмосферу бездушия и холода.

Скрипучие ворота как сквозная художественная деталь встречаются в тексте рассказа неоднократно. Это усиливает эффект драматизма происходящего, позволяет ярче передать эмоциональное состояние девочки. Отправляясь в дальнюю дорогу, согласно народной традиции, чтобы в дом не зашла беда, нельзя было ворота оставлять открытыми. Закрытые ворота, напротив, в народном сознании выступают преградой на пути всякой нечисти, защищают внутреннее пространство. Вот только провожая главу семейства на фронт, родные Оли оставили ворота открытыми,

¹ Валишин Р. Г. Сйзыл куазен // Валишин Р. Г. Вальс : веросьёс. Ижевск : Удмуртия, 1966. С. 8.

² Валишин Р. Г. Капка зукыртэ // Валишин Р. Г. Вальс : веросьёс. Ижевск : Удмуртия, 1966. С. 9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 16.

что отчетливо удержала память девочки: «Когда отца провожали на войну, ворота кто-то открытыми оставил: мать до конца деревни, до поля пошла, Оля с маленькими сестренками в избе осталась. Ветер открывает-захлопывает ворота, их скрип слышится как голос плачущего человека – словно чувствуют приближение беды»¹.

Ворота символически создают кольцевую композицию рассказа. Через открытые ворота уйдет Селифон, а вместе с ним и все негативное, исходящее от него. Возникает надежда на возвращение в дом душевного тепла и радушия, начало новой жизни у подростковой Ольги. Селифон принимает предложение другой одинокой женщины и с припрятанными деньгами съезжает к ней. В семье Оли он уже получил все возможное. Тревожное «настроение» рассказа сменяется уверенным спокойствием повествующего: «...ворота со скрипом открылись и тут же тихо, без шума закрылись. Через них вышел Селифон, за ним скользят его салазки со швейной машиной и чемоданом»².

Жизнь послевоенной удмуртской деревни достаточно часто становится темой валишинских рассказов. Важные аспекты роли женщины в послевоенном мире раскрывает рассказ «Льомпу вай», в центре которого – образ доярки Марьи Корепановой. Этот собирательный образ придает частной судьбе обобщающий смысл. Пережив с младенцем на руках гибель мужа на фронте, тяжести трудового тыла, героиня сохранила человеческое достоинство и силу, вырастила дочь. В фокусе авторского внимания – всего один эпизод из жизни женщины, передающий чувства и мысли героини на выпускном вечере дочери, когда той вручают аттестат зрелости и золотую медаль. Героиня испытывает особое удовлетворение от того, что выполнила свое обещание мужу – вырастить и воспитать хорошую дочь.

В качестве художественной детали в «Льомпу вай» выступает вынесенный в заголовок образ «черемуховой ветки», символизирующий идею духовной преемственности отцов и детей. Символичен и сам факт посадки отцом дерева в день рождения дочери, появившейся на свет незадолго до начала войны. «В мае, когда из набухших ивовых почек показались первые нежно-зеленые

листочки, Марья родила дочь»³. В букет девушки-выпускницы добавлена черемуховая ветка из родного семейного сада, посаженного руками ее отца почти восемнадцать лет назад.

Еще более выразительной является другая деталь – женские руки, которые символизируют в рассказе силу и мужество трудового человека, открывают глубину характера простой российской женщины. «На выпускном вечере тетю Марью выбрали в президиум. Сидит. Руки куда деть не знает. <...>. Действительно, ее намозоленные руки или в мыльной воде одежду стирают, или шьют, или ловко доят корову. Не привыкли они лежать просто так, ничего не делая, на столе с красным сукном»⁴. Рассмотренные тексты показывают, что уже в первых валишинских рассказах прослеживается стремление к разработке подтекста, скрытого смысла, «спрятанного» за видимым, повседневным, за бытовой деталью.

Общее свойство малой прозы Р. Валишина можно охарактеризовать как обостренное восприятие современности; с годами у автора все более усиливается концентрация внимания на драматической и даже трагической стороне человеческой жизни, возрастает стремление погрузиться в мир героя. Явственно эта тенденция проявилась в рассказах последнего периода творчества писателя, написанных после паузы в связи с работой над повестями. Эмоционально-психологическое состояние человека в центре зрелых рассказов «Тополь куарьёс» («Тополиные листья», 1978), «Чырс чумерен шыд» («Суп с кислыми клецками», 1978), «Тодметьёс» («Приметы», 1978), «Тодьыгубиос» («Белые грибы», 1978), ставших вершинными явлениями в национальной литературе 1970-х гг. В этих произведениях проявилось умение автора в одном сюжетном «обстоятельстве» объединить разные смыслы, в многосложности ситуации найти повод для раскрытия судьбы персонажа. Сюжеты «Тополь куарьёс», «Чырс чумерен шыд» организованы событиями военного детства, в основе двух других – раздумья рассказчика над важнейшими нравственными вопросами бытия. В рассказах «Тодметьёс» и «Тодьыгубиос», построенных в форме воспоминаний, воссоздана народная система ценностей. Автор убежден,

¹ Валишин Р. Г. Капка жукуртэ // Валишин Р. Г. Вальс : веросьёс. Ижевск : Удмуртия, 1966. С. 15.

² Там же. С. 20.

³ Валишин Р. Г. Льомпу вай // Валишин Р. Г. Виль лымы : веросьёс, новелла, очерк. Ижевск : Удмуртия, 1971. С. 86.

⁴ Там же. С. 85.

что сформированные в детстве нравственные представления помогают человеку выстоять в испытаниях судьбы. Вглядываясь в прошлое, рассказчик начинает осознавать, что вся его жизнь соткана из самых разных «меток», и что каждый человек оставляет после себя свои знаки, свой след. В памяти героя оживают эпизоды жатвы хлеба в тяжелые военные годы. Опустевшее после уборки урожая деревенское поле несет на себе следы ручного труда детей и матерей-вдов. Оно все уставлено метками, которые обозначают для себя женщины, планируя участок работы на долгий трудовой день.

Предметно-конкретный образ метки вырастает до символически-обобщенного: человек в жизни оставляет свои следы, однако и жизнь «метит» человека своими рубцами. Рассказчик вспоминает случай, когда в детстве порезал серпом палец. Это лишь первая «метка», а впереди их будет много. Для повествования характерны ассоциативность, образная связь в изображении реалий жизни. Значимой оказывается роль художественной детали – метки жнецов.

В рассказе «Тодьгубиос» на первом месте – раскрытие переживаний, связанных с воспоминаниями человека о пережитом. К размышлению рассказчика побуждает картина поминального стола с солеными грибами, накрытого по внезапно умершему зимой товарищу по работе. Рассказчик, личность которого не конкретизирована, выступает как определенный представитель эпохи «семидесятых». Его чувства, думы, мысли воплощают характерные настроения национальной интеллигенции того времени: состояние отчужденности, когда в суе отмирают основные духовные устои народа, исчезают естественные милосердные отношения между людьми, сформированные трудом и жизнью на земле, близостью к природе. Разрушается ощущение общинного единства. Рассказ Р. Валишина – предостережение, автор говорит о том, как обрывается связь времен, возрастает разъединение, уходят из жизни натуры легкоранимые, добрые.

Рассказчик в суе повседневности не отозвался на многократные просьбы коллеги съездить к нему на дачу за грибами, побыть вместе, поговорить по душам. Он не придавал значения своим легким обещаниям, а между тем их невыполнение ранило сердце сослуживца. Открыто в

смерти героя автор никого не обвиняет, но он подводит читателя к мысли, что человеческое общение складывается из тонких, невидимых нитей доброты и внимания. Рассказ тонко передает ощущение непоправимости потери каждого человека. Драматический исход в сознании героя-рассказчика воспринимается неоднозначно. На следующее лето после смерти сослуживца он приходит в тот самый загородный дом. Тропинка, ведущая его на дачу, стала путем возвращения к себе, заставила задуматься над смыслом существования. Оскудевшая душа рассказчика обновляется, он начинает воспринимать окружающий мир «совместно» с умершим коллегой, ощущает красоту земного бытия. Казалось бы, сослуживец умер, но его образ в памяти рассказчика продолжает существовать, напоминая ему: «Ты ходи каждый день на работу, ешь, спи, но не забывай и о том, что на свете есть еще белый подснежник и зеленые побеги дягиля, красивое небо и любовь»¹.

Рассказы Р. Валишина своеобразно перекликаются с традициями русской лирической прозы, в частности, с лирико-символическими рассказами Ю. Казакова, Ю. Нагибина, В. Солоухина и др., которые, в свою очередь, следуют приемам чеховской «бессюжетной» прозы. В современной удмуртской литературе достижения Р. Валишина в малой прозе развивает Вячеслав Ар-Серги (Сергеев Вячеслав Витальевич), рассказы которого стоят в одном ряду с лучшими произведениями многонациональных писателей России.

Заключение

Р. Г. Валишин – яркий представитель поколения писателей-«шестидесятников» в удмуртской литературе. Его творчество во многом определило развитие лирико-психологического направления в национальной прозе 1960–1970-х гг. Одна из обозначившихся тенденций его малой прозы – отражение действительности в лаконичной жанровой форме через значимые, отдельно взятые эпизоды из жизни героя. При этом важное место занимает изображение его внутреннего душевного состояния. Рассказы-«переживания» Р. Валишина обогатили национальную литературу новыми художественными возможностями через

¹ Валишин Р. Г. Тодьгубиос // Валишин Р. Г. Тодметгъёс : веросьёс, дневник, статьяос но рецензиос. Ижевск : Удмуртия, 1990. С. 214.

синтез эпического и лирического начал в реалистическом произведении. Обратившись к новаторским для удмуртской литературы приемам символической детали и лейтмотивности повествования, он разработал дифференцированную систему подтекста, обусловившую развитие сюжета в разных планах: одновременно в действии героя и в его оценках событий. В воссоздании героя в поздних рассказах писателя особая роль

отводится памяти. Эстетический потенциал валишинских рассказов-«переживаний» определил их воздействие на национальную прозу последующих десятилетий, вплоть до настоящего времени. Статья дополняет существующие работы о жизни и творчестве Р. Валишина, исследование может стать основой для дальнейшего изучения художественного мира писателя в историко-культурном и сопоставительном аспектах.

1. Ермолаев А. А. Тӧл гурезе тубон // Туннэ но чӱказе : удмурт литература сярсы статьяос. Ижевск : Удмуртия, 1984. С. 133–147.
2. Зуева А. С. Архетип «мировой горы» в повести Р. Валишина «Гора ветров» // Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций : монография. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1997. С. 233–254.
3. Современная удмуртская проза : ст., рец., обзоры / сост. Т. А. Полторацкая ; науч. ред. А. Г. Шкляев. Ижевск : Удмуртия, 1981. С. 81–107.
4. Ермаков Ф. К. Современная проза // Путь удмуртской прозы : очерки. Ижевск : Удмуртия, 1975. С. 102–103.
5. Богомолова З. А. Песня над Чеппой и Камой. 2-е изд., доп. М. : Современник, 1981. С. 207–209.
6. Шкляев А. Г. Время быть молодым. О творчестве молодых литераторов // Счет предьявляет время : сб. лит.-крит. ст. / сост. А. А. Ермолаев. Ижевск : Удмуртия, 1977. С. 96–98.
7. Шкляев А. Г. Вершины еще впереди. Удмуртская проза 70–80-х гг. // Времена литературы – времена жизни : ст. об удмуртской литературе. Ижевск : Удмуртия, 1992. С. 112–114.
8. Затеева Т. В., Горн Т. М. Изучение жанра рассказа в российском литературоведении второй половины XX – начала XXI в. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. № 1. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.18101/2686-7095-2023-1-47-57>
9. Богданова О. В. «Темные аллеи» и другие рассказы Ивана Бунина. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 300 с.
10. Черепанова С. Н. Тургеневская традиция в ранней прозе А. П. Чехова (на примере повести «Цветы запоздалые», 1882) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 116–128. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/82/8>
11. Поль Д. В., Летохо Е. В. Герой и природа в лирической прозе К. Г. Паустовского: особенности изображения, динамика развития // Гуманитарное пространство. 2024. № 2. С. 170–178. DOI: <https://doi.org/10.24412/2226-0773-2024-13-2-170-178>

Статья поступила в редакцию 31.03.2025 г.; одобрена после рецензирования 29.04.2025 г.; принята к публикации 30.05.2025 г.

Об авторах

Зайцева Татьяна Ивановна

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России, Удмуртский государственный университет (426034, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1); ведущий научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (426067, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34) ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2934-6251>, uawoz@rambler.ru

Максимова Ольга Михайловна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России, Удмуртский государственный университет (426034, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3184-7293>, 24otax@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Ermolaev A. A. Tol gureze tubon [Climbing the windy mountain]. *Tunne no chukaze : udmurt literatura s'arys' stat'yaos = Today and tomorrow : articles about Udmurt literature*. Izhevsk : Udmurtiya Publ., 1984. pp. 133–147. (In Udmurt).

2. Zueva A. S. Arkhetip “mirovoi gory” v povesti R. Valishina “Gora vetrov” [The archetype of the «world mountain» in R. Valishin’s story «Mountain of the Winds»]. *Udmurtskaya literatura v kontekste yazy-cheskikh i khristianskikh traditsii : monografiya = Udmurt literature in the context of pagan and Christian traditions : monograph*. Izhevsk, Udmurt University Publ., 1997. pp. 233–254. (In Russ.)

3. Sovremennaya udmurtskaya proza : stat'i, retsenzii, obzory [Modern Udmurt prose : articles, reviews, overviews]. Comp. by T. A. Poltoratskaya ; scientific ed. A. G. Shklyayev. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1981. pp. 81–107. (In Russ.)
4. Ermakov F. K. Sovremennaya proza [Modern prose]. *Put' udmurtskoi prozy : ocherki* = The path of Udmurt prose : essays. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1975. pp. 102–103. (In Russ.)
5. Bogomolova Z. A. Pesnya nad Cheptsai i Kamoi [Song over Cheptsai and Kama]. 2nd ed., supplemented. M. : Sovremennik Publ., 1981. pp. 207–209. (In Russ.)
6. Shklyayev A. G. Vremya byt' molodym. O tvorchestve molodykh literatorov [Time to be young. About the creativity of young writers]. *Schet pred'yavlyayet vremya : sb. literaturno-kriticheskikh statei* = Time makes the count: collection of literary critical articles. Comp. by A. A. Ermolaev. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1977. pp. 96–98. (In Russ.)
7. Shklyayev A. G. Vershiny eshche vpered. Udmurtskaya proza 70–80-kh gg. [The peaks are yet to come. Udmurt prose of the 70s–80s]. *Vremena literatury – vremena zhizni : stat'i ob udmurtskoi literature* = Times of literature – times of life : articles about Udmurt literature. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1992. pp. 112–114. (In Russ.)
8. Zateeva T. V., Gorn T. M. Izuchenie zhanra rasskaza v rossiiskom literaturovedenii vtoroi poloviny XX – nachala XXI v. [Short story genre in Russian literary studies of the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* = Bulletin of the Buryat State University. Philology, 2023, no. 1, pp. 47–57. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18101/2686-7095-2023-1-47-57>
9. Bogdanova O. V. “Temnye allei” i drugie rasskazy Ivana Bunina [“Dark Alleys” and other stories by Ivan Bunin]. Saint Petersburg : Publishing house of the Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen, 2021. 300 p. (In Russ.)
10. Cherepanova S. N. Turgenevskaya traditsiya v rannei proze A. P. Chekhova (na primere povesti “Tsvety zapozdalye”, 1882) [Turgenev's tradition in the early prose of A. P. Chekhov (a case study of the story “Late-Blooming Flowers,” 1882)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 116–128. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/82/8>
11. Pol D. V., Letoho E. V. Geroi i priroda v liricheskoi proze K. G. Paustovskogo: osobennosti izobrazheniya, dinamika razvitiya [The hero and nature in the lyrical prose of K. G. Paustovsky: features of the image, dynamics of development]. *Gumanitarnoe prostranstvo* = Humanitarian space, 2024, no. 2, pp. 170–178. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2226-0773-2024-13-2-170-178>

The article was submitted 31.03.2025; approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 30.05.2025.

About the authors

Tatyana I. Zaitseva

Dr. Sci. (Philology), Professor, head of the Department of Udmurt literature and literature of the peoples of Russia, Udmurt State University (1 Universitetskaya St, Izhevsk, 426034, Russian Federation); Leading Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (34 T. Baramzina St, Izhevsk, 426067, Russian Federation) ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2934-6251>, uawoz@rambler.ru

Olga M. Maksimova

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Udmurt literature and literature of the peoples of Russia, Udmurt State University (1 Universitetskaya St, Izhevsk, 426034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3184-7293>, 24omax@mail.ru

All authors have read and approved the final manuscript.